

УДК 94(47)"17/1917"

DOI 10.25688/2076-9105.2019.34.2.02

О. Г. Малышева,**К. А. Золотарева**

Во главе исполнительной власти: Николай II и российская бюрократия

В статье рассматриваются особенности личных и деловых качеств последнего российского императора в деле управления Российской империей, его взаимоотношений с представителями государственной, военной и политической элиты и руководителями российского правительства.

Ключевые слова: система управления; правительство; министры; органы государственного управления; кадровая политика.

Прошло более ста лет с момента падения российского самодержавия, краха империи, а дискуссии по вопросу о личности последнего российского императора Николая II не утихают. По-прежнему бытуют самые различные мнения: от возведения его в ранг святого, безвинно убиенного страдальца до попыток возложить на него всю ответственность за трагедию, произошедшую со страной в 1917 году. Для объективной оценки роли и места Николая II в истории российской государственности предстоит еще очень много сделать, и работа эта, в том числе исследовательская, ведется представителями различных направлений науки. Авторы настоящей статьи поставили задачу рассмотреть деятельность последнего императора России в качестве «управленца номер один», в том числе его взаимоотношения с представителями высшей российской бюрократии.

На престол Николай II взшел молодым (ему было всего двадцать шесть лет), малоподготовленным к решению масштабных задач, стоявших перед империей, переживавшей не лучшие времена. Близко знавший его двоюродный дядя, великий князь Александр Михайлович, в своих воспоминаниях отмечал, что познания Николая II к этому времени сводились к разрозненным сведениям по разным отраслям, но без всякой возможности их применить в практической жизни. Понимал это и сам наследник престола. Неслучайно, в тот момент, когда он узнал, что ему предстоит возглавить государство после кончины отца, он плакал. Страшное бремя власти давило его. «Что я буду делать! Что будет теперь с Россией? Я еще не подготовлен быть царем! Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами» [2: с. 302, 304].

Многие современники, мало знавшие о личных и деловых качествах молодого императора, терялись в догадках: «Кто он, новый самодержец?»

Мнения были различны. Часто Николая II сравнивали с предшественниками. Так, председатель II Государственной думы Ф. А. Головин называл его плохой копией дурных свойств Александра I. Среди схожих черт характера обоих императоров он отмечал трусость, двуличие, хитрость. По его мнению, они оба предпочитали действовать исподтишка, прятаться за чужой спиной, приближать и отдалять от себя людей исходя из собственных взглядов и желаний. Головин утверждал, что Николай II не слабовольная личность, поддающаяся влиянию, а напротив, маскируется таким амплуа, скрывая тем самым свою хитрую и двуличную натуру [11: с. 65]. Как видим, Головин дает Николаю II весьма негативную характеристику. Но является ли эта оценка объективной или же она результат личной обиды на императора за роспуск II Государственной думы, в которой Головин председательствовал? Однозначного ответа нет.

Профессор Юрьевского университета, председатель совета Русского собрания Б. В. Никольский написал в своих воспоминаниях, что в Николае II все время светится Александр III, но не может воплотиться. По его мнению, Николаю II не хватает смелости, уверенности, он слаб и нервозен. Описывая личную встречу с императором, он отмечает то, что царь нервничал больше остальных присутствующих, не производил впечатления главы государства [8: с. 87–88].

Русский государственный деятель, публицист, член Госсовета В. И. Гурко сравнивал императора с Александром I, с которым, с его точки зрения, он имел много общего. В частности, он писал: «Николай II не имел достаточно характера, чтобы непреклонно осуществить свою волю, но не был и достаточно безволен, чтобы искренно подчиниться чужой воле... Он не умел властно настоять на исполнении другими лицами выраженных им желаний, иначе говоря, не обладал даром повелевать» [6: с. 362]. К сожалению, эти характеристики, оставленные современниками, сыграют роковую роль в судьбе не только Николая II, но и всего государства.

Последний протопресвитер русской армии и флота Г. И. Шавельский писал в своих воспоминаниях, что характер Николая II соткан из противоположностей, носит своеобразный окрас [19: с. 31]. Например, он характеризует Николая II как мягкого и доброго человека, однако злопамятного, не прощающего обиды. Император был либо слишком откровенен, либо слишком скрытен. Он быстро привязывался к людям, но и быстро от них отворачивался. Чтобы убедиться в достоверности слов Шавельского, достаточно вспомнить взаимоотношения Николая II с председателями правительства — С. Ю. Витте, П. А. Столыпиным, В. Н. Коковцовым.

Отношения царя с министрами, в том числе с премьер-министрами, завязывались и завершались по обычной схеме: вначале он проявлял к вновь назначенному министру полное доверие, радовался совпадению взглядов. Этот этап их отношений, по меткому выражению генерала В. Н. Воейкова, был «медовым месяцем». Затем на горизонте появлялись облака, как только

министры начинали настаивать на своих принципах и пытаться осуществить свою программу, идущую хоть в чем-то вразрез со взглядами императора. С этого момента судьба министра всецело зависела от его настойчивости и напора. Если он продолжал отстаивать свою позицию (С. Ю. Витте, П. А. Столыпин, В. Н. Коковцов), то его отставка была неминуема. В проявлении инициативы со стороны министров Николай II усматривал попытку узурпировать часть собственной власти, а это категорически им не допускалось. Если министры мирились и соглашались с императором (А. В. Кривошеин, В. А. Сухомлинов, В. Н. Ламсдорф), они сохраняли свои должности. Абсолютное большинство современников сходились во мнении, что император «предпочитал увольнять в отставку лиц, переставших преследовать одну с ним цель» [5: с. 232–234].

К сожалению, недалекovidный император не сумел разглядеть в бесконечно преданных монархии двух великих реформаторах — С. Ю. Витте и П. А. Столыпине — надежных соратников. Они, как и многие другие министры, оказались невостребованными. При этом не будем забывать, что первый глава кабинета, верой и правдой служивший еще императору Александру III, Сергей Юльевич Витте, не раздумывая протянул руку помощи молодому императору в страшные дни Всероссийской октябрьской политической стачки 1905 года, подготовив манифест 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». Именно этот документ давал шанс для проведения политической модернизации России в формате империи на путях создания народного представительства как законодательной ветви власти. Этот шанс, увы, окажется упущенным.

Историк Марк Ферро комментирует данную ситуацию следующим образом: «Когда в 1905 году по совету своего премьер-министра Витте он для успокоения умов “дарует” Думу и, несмотря на эту уступку, стачки возобновляются, он восклицает: “Странно, что такой умный человек ошибся в своих расчетах на скорое успокоение!”» [17: с. 201]. Николай II явно пытается переложить ответственность на Витте за вынужденную уступку. С одной стороны, он признает его способности как государственного мужа, с другой — указывает на «явную ошибку», допущенную премьер-министром. Следствием стало то, что после манифеста 17 октября 1905 года Витте лишается доверия в глазах императора. Подсознательно Николай II обвиняет его в ограничении самодержавия. Результатом стала внезапная отставка премьера накануне начала работы Первой Государственной думы в 1906 году.

Сам С. Ю. Витте писал о своем увольнении: «Государь — восточный человек, типичный византиец. Мы говорили с ним добрых два часа; он пожал мне руку, он меня обнял. Желал мне много счастья. Я вернулся домой, не помня под собой ног, и в тот же день получил указ о моей отставке» [4: с. 433]. Безусловно, это был тяжелый удар для первого в истории страны главы правительства. Витте построил блестящую карьеру еще в правление Александра III,

был убежденным монархистом, бесконечно преданным царскому дому, государственной службе. Увольнение такого высокопрофессионального политического деятеля незадолго до начала работы Первой Государственной думы выглядит более чем непонятным и нелогичным. Он мог бы сделать еще очень многое. Однако, по мнению Николая II, именно Витте «сжег мосты царского самодержавия».

С. Ю. Витте писал о своем увольнении: «Государь не терпит иных, кроме тех, которых он считает глупее себя, и вообще не терпит имеющих свое суждение, отличное от мнений дворцовой камарильи (т. е. домашних холопов)» [4: с. 435]. Негативные высказывания бывшего премьер-министра можно отчасти объяснить личной обидой на императора. Однако в них есть и зерно правды. Отношение Николая II к наиболее талантливым сотрудникам действительно носило противоречивый характер: с одной стороны, он нуждался в их помощи, а с другой — ревновал к успеху и даже испытывал некую зависть.

Если Витте сошел с политической арены и доживал свои дни в качестве члена Государственного совета, то политическую смерть еще одного крупного государственного деятеля — Петра Аркадьевича Столыпина — опередила его физическая смерть. Деятельность Столыпина была весьма важным этапом последнего царствования. О его преданности делу и смелости пишет в своих воспоминаниях фрейлина императрицы А. Вырубова. Она, в частности, утверждает, что в условиях революции «царь назначил премьер-министром Столыпина, и Столыпин начал наводить порядок в России. Он действовал бесстрашно и непреклонно. Столыпин был не только исключительно сильной личностью, он был государственным мужем с исключительно острым пониманием нужд страны. Окружение старалось закабалить доверие императора к премьер-министру, и, я помню, однажды во время чая государь заметил: “Столыпин был бы рад занять мое место”» [18: с. 146]. Разумеется, его утверждение несправедливо: Николай II воспринимает сложившуюся ситуацию не как взрослый, мудрый человек, а как ребенок, решивший, что у него пытаются отнять любимую игрушку.

Дальнейшие события разворачивались по вполне предсказуемому сценарию: император уже готовился к увольнению неугодного премьер-министра, однако отправить в отставку Столыпина он не успел. Так случилось, что премьер-министра тяжело ранили в Киевском оперном театре на глазах Николая II. В дневнике императора находим скупую запись об этом: «Во 2-м антракте бедный Столыпин был ранен двумя пулями» [9: с. 591].

В дневниковых записях последующих дней нет ничего, что свидетельствовало бы о серьезных переживаниях императора за жизнь своего премьера. Разве что: «Встал в 8 часов. Утро стояло отличное и солнечное. В 9 ¼ подошли к пристани в Киеве. Тут только узнал о кончине П. А. Столыпина вчера вечером... Во всем да будет воля Божия» [9: с. 592]. Ни слова скорби и соболезнования. Накануне похорон Столыпина императорская семья отбывает

в Крым. Николай II не находит нужным изменить свои планы из-за смерти премьер-министра.

В связи с этим историк Анри Труайя отмечает определенный цинизм в поведении Николая II в этой ситуации: «Гибель на его глазах Столыпина от рук злодея не показалась ему событием достаточно весомым, чтобы внести поправки в программу торжеств. И то сказать, что он уже давно не находил общего языка с этим непримиримым государственным мужем. Скажем так: его исчезновение с политической сцены — оно, пожалуй, к лучшему» [16: с. 188].

Цинизм православного монарха отметил и государственный деятель, сенатор, известный адвокат А. Ф. Кони: «Неоднократно предав Столыпина и поставив его в незащитное положение по отношению к явным и тайным врагам, “обожаемый монарх” не нашел возможным быть на похоронах убитого, но зато нашел возможным прекратить дело о попустителях убийцам и сказал, предлагая премьерство Коковцову: “Надеюсь, что вы меня не будете заслонять, как Столыпин?”» [7: с. 229]. Император и не скрывал, что не любил, когда его заслоняют.

Так каким же Николай II хотел бы видеть «идеального премьер-министра»? Скорей всего, это должен был быть человек, не стремящийся занять его место, не заслоняющий его, уступающий ему по умственным и деловым качествам, но при этом лично преданный, надежный и неавторитетный в обществе. Найти человека, соответствующего таким противоречивым требованиям, в своем ближайшем окружении император не смог. Не был таким человеком и П. А. Столыпин.

С сожалением приходится констатировать, что ни с одним из премьер-министров, способным принимать решения и видеть перспективу курса государственного корабля, у императора отношения не сложились. Это стало грубым просчетом кадровой политики главного чиновника империи. Не последнюю роль в этом играли личные симпатии, а скорее антипатии, Николая II. Однако император российский — это не просто человек. Так сложилась вертикаль российской власти, что он был, скорей, институтом, своего рода функцией, сопряженной с исполнением ежедневных государственных обязанностей, как справедливо заметил современный исследователь К. А. Соловьев [15: с. 36]. Оказавшись на вершине власти в сверхцентрализованном государстве, он был подчинен в том числе огромной машине делопроизводства, которая будто в топке нуждалась в санкциях верховной власти [15: с. 40].

В силу сложившейся практики многие документы требовали личного ознакомления с ними императора и личного принятия решения. Это требовало огромных усилий и времени. Император Александр III, как отмечали современники, относился к этим своим обязанностям весьма ответственно. В силу чрезвычайной занятости днем на работу с документами он отводил вечернее и ночное время — с 9 вечера до 3 часов ночи. По настоянию императрицы в 3 часа ночи камердинер докладывал царю, что следует заканчивать работу.

Если царь не обращал на это внимания, после третьего предупреждения камердинер просто тушил свет, несмотря на все протесты государя [15: с. 37]. Несмотря на огромную работоспособность, Александр III не всегда мог справиться с потоком дел, которые требовали его решения. Для этого он время от времени прибегал к помощи лично преданных ему приближенных, однако личным секретарем он так и не обзавелся.

Николай II также не прибегал к услугам личных секретарей, опасаясь, что они смогут влиять на принятие решений. Единственное исключение он сделал для бесконечно преданного ему лично Санкт-Петербургского генерал-губернатора Д. Ф. Трепова. В тяжелые дни Первой русской революции он прямо говорил: «Трепов для меня незаменимый, своего рода секретарь. Он опытен, умен и осторожен в советах. Я ему даю читать толстые записки от Витте, и затем он мне их докладывает скоро и ясно. Это, конечно, секрет для всех!» И здесь мы разделяем мнение К. А. Соловьева о том, что такой «кустарный» путь решения проблем едва ли мог принести существенные результаты [15: с. 41]. К тому же в 1906 году Д. Ф. Трепов скончался. С этого времени Николай II работал с корреспонденцией самостоятельно (вплоть до надписывания адреса и заклеивания конверта), что требовало больших временных затрат.

Отдельно следует сказать о деловых качествах последнего самодержца, его работоспособности. Общеизвестно, что государственная деятельность, в особенности ее рутинная, однообразная ежедневная работа, никогда не доставляла Николаю II большого удовольствия. К тому же авторитарная самодержавная система, когда все звенья власти и управления замыкались на одном человеке, требовала одобрения и согласования всякого сколько-нибудь важного решения лично императором. От различных должностных лиц, общественных и частных организаций, отдельных подданных на имя царя шел огромный поток докладов, памятных записок, прошений, ходатайств и другой корреспонденции по самым различным вопросам. Весь объем документов оседал в императорской канцелярии и различных управлениях дворцового ведомства. Солидная часть попадала к Николаю II и требовала личного ознакомления и принятия решения [3: с. 19].

И как ни тяготился Николай II этой рутинной работой, выполнять ее приходилось практически ежедневно. Как вспоминает В. И. Гурко: «Николай II принуждал себя заниматься государственными делами, но по существу они его не захватывали. Пафос власти ему был чужд. Доклады министров были для него тяжкой обузой. Стремление к творчеству у него отсутствовало» [6: с. 207]. Однако, это не значит, что Николай II пренебрегал государственными делами, предпочитая заниматься чем-то более интересным. Гурко отмечает и усидчивость императора, его самоотверженность в отношении государственной службы. Однако для императора государственное управление являлось не более чем обязанностью, живого интереса к этому он никогда не испытывал.

Тщательный анализ дневников последнего российского императора наглядно свидетельствует о том, какую роль играли государственные дела в его повседневной жизни. Скупые сведения об этом встречаем почти в каждой записи (а он делал их ежедневно, без каких-либо перерывов). Исключением были воскресные дни и дни религиозных праздников. Любопытно, но даже тональность записей в дни, свободные от работы с документами и приемов официальных лиц, меняется, становится более эмоциональной и возвышенной. В эти дни речь идет, как правило, о прогулках, катании на велосипедах или байдарках, воскресных завтраках и чаепитиях, чтении вслух, т. е. о простой жизни большой и дружной семьи.

Со временем у императора выработался четкий график занятия государственными делами. Как правило, после утреннего чая до завтрака (до четверти второго) он работал с бумагами. Об этом он пишет так: «Читал и занимался до головной боли»; «Читал с остервенением до 12 часов»; «Все время от чая до обеда занимался бумагами»; «Отписывался от массы телеграмм»; «После чая набросился на бумаги и окончил все к 11 часам»; «После чтения бумажек пошел гулять: было морозно»; «Гулял и с остервенением разбирал телеграммы, которых с 20-го февраля пришло 1050 штук» (в эти дни праздновался трехсотлетний юбилей дома Романовых) [9: с. 13, 19, 236, 237, 404, 604, 739].

Если поток бумаг был слишком велик и император не успевал ознакомиться с ними, приходилось доделывать эту работу вечером, после обеда, который обычно был в пять часов. Чаще это случалось в периоды отдыха императора в Ливадии или на яхте, когда фельдъегерская почта поступала большими партиями. По этому поводу находим в дневнике следующие записи: «Приехал фельдъегерь и привез массу бумаг. После обеда читал и затем не выдержал и поиграл в домино», а на следующий день «после завтрака дочитывал вчерашние бумаги» [10: с. 44].

Разумеется, работа с огромным потоком бумаг во время отдыха вызывала раздражение Николая II, и он порой позволял себе маленькую месть, о которой не мог знать никто. Так, однажды во время воскресного отдыха на яхте он записал в дневнике: «Кончал фельдъегеря» [9: с. 580]. Разумеется, эту запись не следует понимать буквально: имелось в виду, что он закончил чтение бумаг, привезенных фельдъегерем. При этом неудовольствие императора явно просматривается.

Помимо работы с документами царь довольно часто встречался с министрами, военными, родственниками, занимавшими различные посты в государственном и военном аппарате, русскими и иностранными послами и т. д. Как правило, для этого он отводил в своем графике послеобеденное время (после шести пополудни). Практически в каждом случае императору предстояло вникать в какой-либо вопрос и принимать решение. Лишь в отдельных случаях, когда к нему приходили действительно крупные государственные деятели, способные к принятию самостоятельных решений (упоминавшиеся

выше Витте, Столыпин, Коковцов и некоторые другие), требовалась лишь его санкция. В других случаях ему приходилось формулировать решения с широким диапазоном проблем: от поиска места под строительство царскосельской оранжереи до формы и времени объявления войны.

К этой обязанности российский император также относился как к вынужденной необходимости. Наедине с собой он и не скрывал, что это не доставляет ему никакого удовольствия, лишь отрывает от привычного ему времяпрепровождения. В дневниках читаем: «Такой же прекрасный день. С 10 час. меня начали одолевать: бар. Фредерикс, Нилов, Дедюлин. Едва успел погулять»¹; «Утро было занятое. От 11 ч. до часа принял 30 человек»; «С самого утра меня изводили. Принял три доклада и депутацию 1-го лейб-драгунского Московского полка»; «Утомительное утро: с 11 до 12 ½ принял 32 человека»; «Принял второпях два доклада и две депутации» и т. д. [9: с. 333, 338, 399, 648].

Не делалось исключений и для председателей правительства. Во времена премьерства П. А. Столыпина император выделял ему время для посещений, как правило, после шести вечера, о чем делал короткие записи в дневнике. В период премьерства В. Н. Коковцова прием мог состояться и в первой половине дня, но, как правило, проходил накоротке, о чем свидетельствуют дневниковые записи императора. Так, читаем: «Утро было прямо невозможное в смысле приставания ко мне, вплоть до доклада Коковцова»; «В 10 час. у меня был Коковцов. В 10 ½ поехал на дворцовую площадку на смотр Николаевского и Александровского кадетских корпусов.»; «С 10 часов снова прием — Саблера² и затем Коковцова и все это между укладыванием разных вещей и бумаг³» [9: с. 648, 649]. Как видим, император не горел желанием серьезно разбираться вместе с главой правительства в сложных обстоятельствах внутренней политики в непростое для страны время после революции 1905–1907 годов. Да и как можно было всерьез обсуждать эти вопросы буквально на ходу, упаковывая вещи для предстоящего отдыха?

Зато 31 января 1914 года в дневнике находим важную информацию об отставке В. Н. Коковцова, как нам кажется, оставленную не без внутреннего торжества: «Сегодня совершилась важная для меня перемена: Коковцов уволен от своих обязанностей. Горемыкин назначен Председ. Совета министров... После короткой прогулки принял Коковцова с коротким докладом. Он был в очень грустном настроении!» [10: с. 8]. Почему-то не верится, что император искренне разделял грустное настроение отставленного главы правительства. Может быть, от того, что сменил его на этом посту, по решению Николая II, И. Л. Горемыкин, являвший собой совершенно противоположный тип государственного деятеля. В течение нескольких десятилетий он верой и правдой

¹ Поясним: «одолевать» начали В. Б. Фредерикс — министр Императорского Двора; К. Д. Нилов — российский адмирал; Н. А. Дедюлин — русский судебный деятель, сенатор.

² Обер-прокурор Святейшего Синода.

³ В 12.00 император с семьей отправился на отдых в Крым.

служил царю на самых высоких постах бюрократической иерархии. Однажды в 1906 году, когда императору было угодно избавиться от первого в истории России председателя объединенного правительства С. Ю. Витте, на смену ему был назначен тот же И. Л. Горемыкин.

Основным обвинением в адрес попавшего в немилость императора председателя Совета министров В. Н. Коковцова стало «отсутствие твердости в руководстве общей политикой», попустительство Государственной думе, которая стала слишком много говорить, вмешиваться во все дела управления, критиковать всех и вся. Ему также ставили в вину, что он не принимает никаких мер к обузданию печати. Словом, Коковцову крайне правые силы в правительстве и Думе инкриминировали «слабость власти» [1: с. 272–273].

Перечисленные выше обвинения в адрес Коковцова стали аргументами правоконсервативного императорского окружения в пользу отставки премьер-министра. Однако у императора, как всегда, не хватило духу высказаться открыто. В собственноручном письме Николая II на имя В. Н. Коковцова с уведомлением об отставке последнего, говорилось, что «не чувство неприязни, а давно и глубоко сознанная мною государственная необходимость заставляет меня высказать Вам, что мне нужно с Вами расстаться». В числе причин отставки император назвал «быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем экономических сил страны», которые «требуют принятия ряда решительных и серьезнейших мер, с чем может справиться только свежий человек» [12: с. 230]. Этим «свежим человеком» станет И. Л. Горемыкин — одряхлевший физически (на момент назначения ему будет 75 лет), но по-прежнему угодливый и удобный для власти. Добавить к этому нечего.

Отдельного разговора заслуживают отношения царя с министрами. Воспоминания и записки, оставленные занимавшими эти посты чиновниками и представителями царского окружения, содержат весьма интересные сведения. Не секрет, что лишь в исключительных случаях высшим сановникам удавалось хоть сколько-нибудь долго задерживаться на этих постах.

Современники Николая II, а позднее исследователи пытались разобраться в причинах неустойчивого положения министров. Часть объясняла это неискренностью царя (министр народного просвещения А. Н. Шварц, С. Ю. Витте, министр иностранных дел В. Н. Ламсдорф, военный министр А. Н. Куропаткин, член Госсовета А. Ф. Кони и др.). Генерал-майор свиты императора, впоследствии дворцовый комендант В. Н. Воейков, товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко, начальник канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолов не согласны с этим. Они склонны искать причины в «отсутствии боеспособности, лежавшее в основе характера государя», его неуверенность в самом себе, подкрепленная сознанием своей малой компетентности в сложных политико-экономических проблемах», нелюбви к спорам «отчасти вследствие болезненно развитого самолюбия, отчасти из опасения, что ему могут доказать неправоту его взглядов или убедить других в этом, а он, сознавая свое неумение защитить свой взгляд, считал это

для себя обидным». Другими словами, «этот недостаток природы Николая II и вызывал действия, считавшиеся многими фальшью, а в действительности бывшие лишь проявлениями недостатка гражданского мужества» [5: с. 233; 6: с. 362; 15: с. 596].

Сохранилось множество воспоминаний «отставленных» министров. В одном они полностью совпадают: практически никому не было объявлено об отставке и объяснены ее причины. Более того, зачастую отставке предшествовал весьма любезный прием императором с проявлениями глубоких и искренних чувств со стороны последнего. Окрыленный министр возвращался домой и получал письменное уведомление об отставке. Увольнение многие годы верой и правдой служивших императору производилось с чрезвычайной легкостью. В этом современники единодушны: «Достаточно было, чтобы начали клеветать, даже не приводя никаких фактических данных, чтобы он согласился на увольнение такого лица. Царь никогда не стремился сам установить кто прав, кто виноват, где истина, где навет... Менее всего склонен был царь защищать кого-нибудь из своих приближенных или устанавливать, вследствие каких мотивов клевета была доведена до его, царя, сведения. Как все слабые природы он был недоверчив» [14: с. 506].

Таковыми примерами полно царствование Николая II. К примеру, восьмидесятилетний министр П. С. Ванновский, взявший на свои плечи тяжелое дело народного просвещения в смутные годы, после ласково и любезно встреченного императором доклада о преобразовании средней школы получил записку о своем увольнении. Обер-прокурор Синода А. Д. Самарин, приехав на другой день после благосклонно принятого доклада в Совете министров, прочел записку царя к Горемыкину, в которой стояло: «Я вчера забыл сказать Самарину, что он уволен. Потрудитесь ему сказать это» [13: с. 405]. С сожалением приходится констатировать, что отставка и смена министров в последнее царствование, как правило, проходила без личного присутствия главы государства, который всячески избегал этих ситуаций. Можно предположить, что императору действительно не хватало силы воли сообщать об увольнении с глазу на глаз, и уж тем более поблагодарить за службу Отчеству.

Частая смена министров в период правления Николая II становится обыденностью. Важно заметить, что в обход главы правительства прерогативой императора оставалось персональное назначение и смещение министров. В повседневном обиходе российского общества появляются выражения «калейдоскоп министров», «министерская чехарда». Вот что пишет по этому поводу бывший председатель Государственной думы второго созыва известный общественный деятель, кадет Ф. А. Головин: «В царствование Николая II министры мелькают как в калейдоскопе, они сменяются в зависимости от постоянных колебаний политики государя то вправо, то влево. Он все время лавирует между подводными скалами революции, заботясь не о пользе и нуждах государственных, а о сохранении и возможной полноте своей власти царской. Хитрый, двуличный,

трусливый государь ведет эту извилистую политическую линию вполне сознательно и самостоятельно, но по свойству своего характера старается всегда замаскировать свое авторство и руководство, в правительственных безобразиях наивным своим видом безответственного агнца, притворной жертвы влияния посторонних темных сил, окружающих царя» [11: с. 56].

Особенностью взаимоотношений императора с министрами является и определение границ их полномочий верховной властью. Николай II особенным образом определяет круг обязанностей своих министров. Он старается отделить подчиненному отдельную узкую сферу компетенции, в которой он должен действовать, не вмешиваясь ни во что другое. Этот факт подтверждает высказывание Г. И. Шавельского: «Не решаюсь сказать, в связи с чем — с признанием ли вреда для дела от вмешательства в него посторонних лиц, со стремлением ли оградить себя от лишних влияний или с нежеланием брать на себя труд разбираться в разных мнениях и противоречиях, когда легче согласиться со “специалистом”, каким для государя являлся каждый министр в своем министерстве и начальник в своем ведомстве, но у государя выработался особый прием: при разговоре с известным лицом, выслушивать все, не выходящее из круга полномочий и службы этого лица, и отстранять все “лишнее”, непосредственно не касающееся его ведомства. Вспоминаю один свой разговор за столом с профессором Федоровым. “Государь особый человек, — говорил мне Федоров, — он всегда полагается на “специалиста” и ему только верит. Вы хорошо знаете Валю Долгорукого. Какой же он гофмаршал?! А у государя он авторитет в своей области. Вот суп, что сейчас мы с вами едим, — дрянь! А похвалит Долгоруков, и государь будет его хвалить, как бы вы ни убеждали в противном”» [19: с. 106]. Согласитесь, не самая лестная характеристика.

При этом есть основания полагать, что эта точка зрения не до конца верна. Генерал Ю. Н. Данилов пишет о том, что император был способен пойти наперекор чужому мнению: «Так решительно император Николай II пресекал доклады своих министров, имевшие целью повлиять на изменение раз принятого им решения, и особенно в тех случаях, когда вопросы выходили за пределы их непосредственного ведения. Император, видимо, усматривал в этом вмешательстве покушение на свою самодержавную власть; в действительности же, при отсутствии объединенного министерства и единой программы, это вмешательство, может быть и ненормальное, было единственным средством доводить до верховной власти сведения о наличии разномыслия в мероприятиях, предположенных к осуществлению различными министрами» [7: с. 155]. Это еще одно свидетельство тому, что вмешательство в сферу своих полномочий император не мог и не желал позволить никому.

Марк Ферро пришел к выводу, что не все министры вызывали доверие у Николая II: «В случае, когда он унаследовал их от своего отца — как, например, Победоносцева, — он считал, что “их время скоро пройдет”, а когда понимал, что ему без них не обойтись, то это уязвляло его самолюбие» [17: с. 267].

Свое видение отношения императора и чиновников предложил государственный контролер В. И. Гурко. Он, в частности, находя Николая II малокомпетентным императором, вынужденным верить министрам, отмечал: «Необходимо, кроме того, иметь в виду, что главной причиной уступчивости Николая II своим министрам в вопросах широкого государственного значения была его неуверенность в самом себе, подкрепленная сознанием своей малой компетентности в сложных политико-экономических проблемах. Дело в том, что те разнообразные, но разрозненные сведения, которыми он обладал по различным частным вопросам, конечно, не могли ему дать общего понимания основных законов, господствующих в сложных социальных строениях и сношениях» [6: с. 231]. К сожалению, главный государственный управленец Российской империи не был способен принимать стратегические решения.

Протопресвитер Г. И. Шавельский утверждает, что простой и общительный император не рассматривал свою свиту в качестве советников: «Но выходило так, что свита существовала для охраны, для развлечения и забавы государя, а не для помощи ему в государственных делах. Государь по несколько часов в день проводил в беседе с лицами свиты — за утренним, дневным и вечерним чаями, во время прогулок и т. п., но была особая область, которой лица свиты не должны были в этих беседах касаться, — это область государственных дел» [19: с. 166]. В доказательство этому Шавельский приводит свой разговор с военным деятелем А. Н. Граббе: «Вы думаете, — говорил мне в 1916 году граф Граббе, — что нас слушают, с нами советуются, — ничего подобного! Говори за чаем или во время прогулки, о чем хочешь, тебя будут слушать, а заговори о серьезном, государственном, государь тотчас отвернется или посмотрит в окно да скажет: а завтра погода будет лучше, поедем на прогулку подальше, или что-либо подобное...» [19: с. 167].

Как следует оценить позицию императора? Возможно, в ней есть как положительная, так и отрицательная сторона. Данной политикой Николай II, думается, пытался придерживаться некой специализации, доверять ответственные дела ответственным людям, специалистам в своей области. Однако, негативным последствием здесь служило то, что у свиты, таким образом, не было возможности выразить свое мнение по определенному вопросу, помочь царю, возможно — вразумить. А «вразумить» царя, по словам Шавельского, могли только три человека — Александра Федоровна, Г. Распутин и А. Вырубова, — влияние которых не знало границ.

Имеется много свидетельств, подтверждающих бесконечное влияние данных людей на императора. Однако было ли это действительно так? Являлись ли императрица, ее фрейлина и сибирский мужик советниками, способными дать разумные рекомендации в сфере управления империей? Безусловно, в этой области они не были профессионалами.

Подводя итоги, мы можем сделать вывод о том, что быть главным чиновником империи Николаю II было очень непросто. Помимо огромного груза делопроизводственных проблем, он нес личную ответственность за выстраивание

отношений с представителями исполнительной власти. Зачастую ему приходилось принимать кадровые решения, которые должны были обеспечить устойчивое положение во внутренней политике империи.

Остается вопрос: тем ли людям он доверился, к тем ли лицам из своего окружения прислушивался, те ли рекомендации использовал, управляя государством? К сожалению, представители управленческой элиты, которые объективно обладали большими знаниями и влиянием, не задерживались у престола — происходило это по причине ревностного отношения императора к чужому влиянию и авторитету. Возможно, это была непоправимая ошибка Николая II: император не сумел разглядеть единомышленников среди правящей элиты, даже в тех людях, которые были бесконечно преданы монархии и престолу.

Литература

1. *Аврех А. Я.* Царизм и IV Дума. М.: Наука, 1981. 296 с.
2. *Александр Михайлович, Великий князь.* Книга воспоминаний. М.: Захаров, 2017. 528 с.
3. *Боханов А. Н.* Сумерки монархии. М.: Воскресенье, 1993. 394 с.
4. *Витте С. Ю.* Воспоминания: в 3 т. Т. 2. Царствование Николая II. М.; Пг.: Гос. изд-во, 1923. 518 с.
5. *Воейков В. Н.* С царем и без царя. Воспоминания последнего дворцового коменданта государя императора Николая II. Гельсингфорс: б/и, 1936. 380 с.
6. *Гурко В. И.* Царь и царица. Париж: Возрождение, 1927. 389 с.
7. *Данилов Ю. Н.* Документы // Николай II и Великие князья. Л.; М.: Гос. изд-во, 1925. 244 с.
8. Дневники Бориса Никольского (1905–1907) // Красный архив. 1934. № 2 (63). С. 55–97.
9. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: в 2 ч. Ч. 1. (1905–1913) / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2011. 824 с.
10. Дневники императора Николая II (1894–1918): в 2 т. Т. 2: в 2 ч. Ч. 2. (1914–1918) / отв. ред. С. В. Мироненко. М.: РОССПЭН, 2010. 784 с.
11. Из записок председателя Государственной думы Ф. А. Головина // Красный архив. 1930. Т. 6 (43). С. 60–67.
12. *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Воспоминания. 1903–1919. Кн. 2. М.: Наука, 1992. 590 с.
13. *Кони А. Ф.* Собрание сочинений в 8 т. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1966. 504 с.
14. *Мосолов А. А.* Из записок «При дворе императора» // Николай II. Воспоминания. Дневники. СПб.: Пушкинский фонд, 1994. С. 66–70.
15. *Соловьев К. А.* Хозяин земли русской? Самодержавие и бюрократия в эпоху модерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017, 296 с.
16. *Труайя А.* Николай II. М.: Эксмо, 2005. 480 с.
17. *Ферро М.* Николай II. М.: Международные отношения, 1991. 352 с.
18. Фрейлина ее величества. «Дневник» и воспоминания Анны Вырубовой. М.: Современный писатель, 1990. 241 с.

19. *Шавельский, Отец Георгий*. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 1. Нью-Йорк: Изд-во Чехова, 1954. 212 с.

Literatura

1. *Avrex A. Ya.* Czarizm i IV Duma. M.: Nauka, 1981. 296 s.
2. *Aleksandr Mixajlovich, Velikij knyaz'*. Kniga vospominanij. M.: Zaxarov, 2017. 528 s.
3. *Boxanov A. N.* Sumerki monarxii. M.: Voskresen'e, 1993. 394 s.
4. *Vitte S. Yu.* Vospominaniya: v 3 t. T. 2. Carstvovanie Nikolaya II. M.; Pg.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1923. 518 s.
5. *Voejkov V. N.* S czarem i bez czarya. Vospominaniya poslednego dvorcovogo komendanta gosudarya imperatora Nikolaya II. Gel'singfors: b/i, 1936. 380 s.
6. *Gurko V. I.* Czar' i czaricza. Parizh: Vozrozhdenie, 1927. 389 s.
7. *Danilov Yu. N.* Dokumenty' // Nikolaj II i Velikie knyaz'ya. L.; M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1925. 244 s.
8. Dnevniky Borisa Nikol'skogo (1905–1907) // Krasny'j arxiv. 1934. № 2 (63). S. 55–97.
9. Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t. T. 2: v 2 ch. Ch. 1. (1905–1913) / otv. red. S. V. Mironenko. M.: ROSSPE'N, 2011. 824 s.
10. Dnevniky imperatora Nikolaya II (1894–1918): v 2 t. T. 2: v 2 ch. Ch. 2 (1914–1918) / otv. red. S. V. Mironenko. M.: ROSSPE'N, 2010. 784 s.
11. Iz zapisok predsedatelya Gosudarstvennoj dumy' F. A. Golovina // Krasny'j arxiv. 1930. T. 6 (43). S. 60–67.
12. *Kokovcov V. N.* Iz moego proshlogo. Vospominaniya. 1903–1919. Kn. 2. M.: Nauka, 1992. 590 s.
13. *Koni A. F.* Sbranie sochinenij v 8 t. T. 2. M.: Yuridicheskaya literatura, 1966. 504 s.
14. *Mosolov A. A.* Iz zapisok «Pri dvore imperatora» // Nikolaj II. Vospominaniya. Dnevniky. SPb.: Pushkinskij fond, 1994. S. 66–70.
15. *Solov'ev K. A.* Xozyain zemli russkoj? Samoderzhavie i byurokratiya v e'poxu moderna. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017, 296 s.
16. *Trujaja A.* Nikolaj II. M.: E'ksmo, 2005. 480 s.
17. *Ferro M.* Nikolaj II. M.: Mezhdunarodny'e otnosheniya, 1991. 352 s.
18. Frejlina ee velichestva. «Dnevnik» i vospominaniya Anny' Vy'rubovoj. M.: Sovremenny'j pisatel', 1990. 241 s.
19. *Shavel'skij, Otec Georgij*. Vospominaniya poslednego protopresvitera russkoj armii i flota. T. 1. N'yu-Jork: Izd-vo Chexova, 1954. 212 s.

O. G. Malysheva,

K. A. Zolotareva

At the Head of the Executive Branch: Nicholas II and the Russian Bureaucracy

The article discusses the characteristics of the personal and business qualities of the last Russian emperor in the management of the Russian empire, its relations with representatives of the state, military and political elite and leaders of the Russian government.

Keywords: control system; government; ministers; government bodies; personnel policy.